

А. И. Тургенев

<Речь о русской литературе>

Литературная критика 1800--1820-х годов. / Составитель, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. -- М.: "Художественная литература", 1980.

OCR Бычков М. Н.

О русской литературе! Можем ли мы употреблять это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существуют. Есть литература французская, немецкая, аглинская, но есть ли русская? Читай аглинских поэтов -- ты увидишь дух агличан; то же и с французскими и немецкими, по произведениям их можно судить о характере их наций, но что можешь ты узнать о русском народе: читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина, в одном только Державине найдешь очень малые оттенки русского, в прекрасной повести Карамзина "Илья Муромец" также увидишь русское название, русские стоны и больше ничего. Театральные наши писатели, вместо того чтобы вникать в характер российского народа, в дух российской древности и потом в частные характеры наших древних героев, вместо того чтобы показывать нам по крайней мере на театре что-нибудь великое, важное и притом истинно русское, нашли, что гораздо легче, изобразив на декорациях вид Москвы и Кремля, заставить действовать каких-то нежных красноречивых французов, назвав их Труворами и даже Миниными и Пожарскими и пр. Если бы во время представления "Димитрия Самозванца"¹ восстал бы из гроба сам Димитрий, думаю, он долго бы забавлялся сим зрелищем, не отгадывая, что оно значит, если бы не услышал наконец своего имени и набатного колокола. Вам самим отдаю на суд, любезные друзья! Могли бы только быть у нас, если бы мы воспользовались во всем пространстве нашею древностию, древними характерами российских князей, нашими древними происшествиями? Мы подражаем французским; но французы так оригинальны в своих трагедиях, что и самых греков и римлян превратили во французов, а мы напротив утратили всю оригинальность, всю силу (*énergie*) русского духа. При сем случае осмелюсь сделать одно замечание. Если уж непременно должно было нам подражать, то кажется гораздо сроднее бы с духом нашего народа подражать в театре аглинском, а не французском².

Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы, в сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях находим мы и чувствуем еще характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие. В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленяющая унылость, такие красоты чувства, которых тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы. Но трудно уже переменить то, чего, кажется, никто и не подозревает. По крайней мере теперь нет никакой надежды, чтобы когда-нибудь процвела у нас истинно русская литература. Для сего нужно, чтобы мы и в обычаях, и в образе жизни, и в характере обратились к русской оригинальности, от которой мы удаляемся ежедневно. Посмотрим теперь на состояние нашей литературы. Какова она есть, позвольте мне, любезные друзья, сообщить вам о сем некоторые мысли. Может быть, вы их найдете странными, но я полагаюсь на ваше дружеское снисхождение и требую искренних ваших советов и наставлений. Последняя половина протекшего столетия была для нас то же, что для французов век Людовика XIV. У нас явились свои Расины, свои Вольтеры и Малербы, имена всех славнейших в России поэтов будут сиять в летописях Екатерины Великой. Ободренные свободой мыслей и книгопечатания, ободренные монаршею волею, стремившейся разливать в пространной империи свой свет наук и просвещения, потекли они в путь свой, открытый для них прежде бессмертным Ломоносовым, очистили, привели в некоторое совершенство язык свой, прославили мудрую монархиню и себя вместе с нею. Теперь наступает новое столетие, обильнее ли оно будет писателями, нежели прошедшее? Может быть, но, судя по ходу нашей литературы, нельзя ли подумать, что у нас будет больше превосходных писателей в мелочах и что виноват в этом Карамзин. Позвольте напомнить вам, любезные друзья, что я предлагаю здесь о<д>ни сомнения и догадки, предлагаю для того, чтобы узнать ваше мнение. Карамзин сделал эпоху в нашей литературе и вопреки русскому характеру и климату и пр.

Он слишком склонил нас к мягкости и разнеженности. Ему бы надлежало явиться веком позже,